
В. И. МЕТЛОВ

ВРЕМЯ ДИАЛЕКТИКИ

Статья ставит целью привлечь внимание к необходимости формирования адекватной оптики, позволяющей идентифицировать диалектические ситуации на разных уровнях их развития. В этой связи подчеркивается значение кантовской парадигмы, существенно отмеченной пониманием роли субъект-объектного отношения в решении поставленной задачи. Отмечаются кантовский характер научного познания, не разрешившего базисных антиномий в различных отраслях науки, необходимость использования посткантовской классической немецкой философии и материалистической диалектики в деле разрешения кризисных ситуаций современного научного познания.

Ключевые слова: диалектика, антиномия, кризис, субъект, объект, практика, развитие, история.

The paper deals with the problem of necessity to form an adequate point of view which could permit to identify the dialectical situations on the different levels of its development. The significance of kantian paradigm, marked par la comprehension of the rapport subject-object for a solution of this problem, is stressed. Marked too the kantian character of contemporary scientific knowledge not solving the basic antinomies in the different branches. Necessity to use the potential of classical Germanic philosophy and that of materialistic dialectic for solving the critical situations is emphasize.

Keywords: dialectics, antinomy, crisis, subject, object, praxis, development, History.

В первом номере журнала «Диалектика» приведены следующие слова основателей издания (Г. Башляр, П. Бернайс, Ф. Гонсет): «Идея диалектики оказывается сердцевинной современного научного мышления. Но она выходит за рамки этого мышления, чтобы стать центральным элементом философии, который охватывает многообразие знания» [Dialectica 1947].

Нельзя не признать правоту приведенных слов: философия тех лет, в сущности, не так уж далеко отстоящая от наших дней, уже

Философия и общество, № 3 2017 30–47

имела перед собой все основные противоречия (антиномии) в качестве материала для разрешения – основания математики, физики, биологии, истории, экономики, лингвистики и других дисциплин. Противоречия, разрешение которых требовало именно диалектического подхода. Противоречия, разрешить которые не было под силу ни одному из основных существовавших направлений философии и наличие которых свидетельствовало о глубочайшем кризисе познания. Этот последний резюмировался в конечном итоге в распаде прежней предметной целостности на предмет без движения и движение без предмета. Существование этих антиномического характера противоречий было свидетельством утраты предмета в той или иной отрасли научного познания, разрешение их в этой связи могло означать переход к новому, более фундаментальному знанию о том или ином предмете.

Почему, однако, положение диалектики в современном интеллектуальном пространстве не отвечает той высокой оценке ее значимости, которая дана в приведенном выше высказывании? Почему столь редки осознанные обращения к диалектике как ученых-специалистов, так и философов в исследованиях парадоксов, антиномий в основаниях различных отраслей современного научного познания? По какой причине без внимания со стороны как философов, так и представителей специальных дисциплин развиваются эволюционные подходы в различных отраслях знания (эволюционная эпистемология, эволюционная химия, эволюционная экономика и т. д.) в этих, кажется, взывающих к диалектике сферах познания?

В современной философии, отличающейся сознанием кризиса познания, трагичности такого положения вещей, которое нашло свое выражение в противостоянии логико-аналитической традиции и традиции феноменолого-герменевтической, – еще одно, быть может, самое общее положение вещей, взывающее к разрешению, – все с большей ясностью осознается невозможность решения проблем бытия, познания, движения, развития, то есть, иными словами, невозможность построить автономную дисциплину онтологию, автономную дисциплину гносеологию на традиционных путях названных философских школ. Нельзя сказать, что здесь осознана неизбежность обращения к диалектике. Это последнее принимает

различные формы, вовсе не всегда и даже не чаще всего форму непосредственного обращения к образцам диалектики и ее классикам. Напротив, даже там, где, казалось, открываются собственное поле диалектики, возможность ее эффективного использования – например, названные выше эволюционные подходы в различных дисциплинах, – и там избегают диалектики, даже употребления термина «диалектика». Дело, разумеется, не в термине, дело в недооценке того потенциала, который может быть реализован только при сознательном использовании ресурсов диалектики в видах преодоления кризиса оснований современного познания.

Более того, уже достаточно давно появились работы, отрицающие возможность автономных дисциплин – онтологии, гносеологии [Wahl 1955; Nelson 1912]; в обнаруживающейся сравнительно недавно тенденции построить онтогносеологию, несомненно, находит выражение диалектическая тенденция преодоления дихотомии объективного и субъективного, материального и идеального в конечном итоге, но о диалектическом характере названного положения дел речь заходит крайне редко.

Вместе с тем, повторим, нельзя не отметить, что в тех или иных формах на самых разных уровнях теоретизирования, чаще всего без использования диалектического словаря и ясного сознания сделанного шага, имеет место движение в направлении диалектики. Но что это означает – «движение в направлении диалектики»? Ответ на данный вопрос предполагает и рассмотрение причин названной «стеснительности» в деле сознательного употребления диалектики и оснований для квалификации имеющих место сдвигов в современном познании как диалектических.

Какую бы отрасль знания мы ни взяли, везде обнаруживаются диалектические ситуации, точнее, движения в сторону диалектики, то есть, подчеркнем, в направлении обретения целостного видения предмета познания. Разумеется, нельзя отрицать, что проблема противоречия в диалектике является ядром диалектической проблематики в целом, но не следует игнорировать и то обстоятельство, что довольствоваться констатацией противоречивости недостаточно, противоречие должно быть разрешено, итогом же этого разрешения оказывается новый предмет или новая стадия в развитии предметной реальности и ее постижении. Преодолеть кризис-

ную ситуацию, разрешить антиномию, обрести целостный предмет – понятия одного порядка.

Между прочим, что касается названных выше противоречий, антиномий, в основаниях различного рода специальных дисциплин, то следует отметить, что они в целом остались теми же самыми и в наши дни. Как мы уже отметили, попытки подойти к ним с категориальными средствами диалектики редки. Легко создается впечатление, что диалектика оказывается не востребовавшей в силу того, что она не дает адекватных средств разрешения волнующих современного исследователя проблем, то есть обнаружила свою теоретическую несостоятельность. Но противники диалектики никогда, в сущности, не могли показать этого, если только не имели дело с неадекватными ее представлениями.

Диалектики избегали, руководствуясь весьма поверхностными соображениями: крушение социальной системы, воздвигнутой, как представлялось, на фундаменте материалистической диалектики; провал попыток построить систему категорий диалектики, годную для применения к любому материалу; бесперспективная полемика по поводу соотношения формально-логической и диалектической противоречивости; скандальное осуждение с позиций диалектического материализма самых выдающихся достижений современного научного познания. Не так уж трудно парировать этого рода «основания». Мы занимались этим в другом месте. Едва ли можно принимать всерьез критику диалектики К. Поппером: она нацелена на самые примитивные представления о диалектике, культивировавшиеся в отечественной философии и вращающиеся главным образом вокруг понимания противоречия в формальной логике и в диалектике.

Можно, однако, назвать и еще одно соображение, которое проливает некоторый свет на существующее отношение к диалектике. В основе его находится указание на недостаточное внимание или просто отсутствие такового к проблеме становления идеи (не объективного существования) диалектики: невнимание к тому, что диалектика или, выражаясь точнее, идея диалектики становится на ноги как результат активности субъекта, ставящего своей задачей охватить целостность изучаемого предмета. Именно понимание этой связи создает ту необходимую оптику, которая позволяет уви-

деть диалектическую ситуацию там, где обыкновенно проходили мимо нее.

Если полагать, что противоречие представляет собой основное понятие диалектики, то кажется совершенно естественным обратить внимание на те отрасли современного научного познания, где противоречивость в диалектическом смысле представлена наиболее впечатляющим образом: основания математики, физики, биологии (где проблема представляется вполне корректно решенной в той части этой дисциплины, которая касается видов и их эволюции), основания лингвистики, исторической науки об обществе и т. п.

Ситуации, приведенные выше, а именно противоречивость антиномического характера, представляющая начальную фазу диалектического движения, возникают как результат автореференциальности, самоприменимости, рассмотрения теории с помощью и на основе тех средств, которые принадлежат самой этой теории, и, самое главное, рассмотрения названных ситуаций в контексте отношения «субъект – объект», развертывающегося в рамках определенного рода целостности. Исследования в области оснований теории множеств, которые, можно сказать, имеют парадигмальное значение в качестве обосновательных исследований, показывают это с полной ясностью.

Формирование диалектических ситуаций в современном научном познании осуществляется в точном соответствии с тем, как это осуществляется в трансцендентальной диалектике И. Канта, а именно в разделе, посвященном антиномии чистого разума. Не решив большинства из антитез, антиномий оснований современного научного познания, мы, естественно, имеем все основания говорить о кантовской ситуации, сложившейся в сфере оснований различного рода специальных дисциплин и философии в целом.

Констатация эта представляется принципиально важной, поскольку ею указывается фактически направление разрешения проблем, связанных с существованием отмеченной антиномичности, а именно путь преодоления отмеченных трудностей, на который стала классическая немецкая философия и, далее, исторический материализм, материалистическая диалектика.

Субъект-объектный контекст – неперенное условие существования диалектических ситуаций, не случайно то обстоятельство, что основные направления в современной философии не занимают, так сказать, фронтальной критикой диалектики, вполне достаточным для пренебрежения ею оказывается свойственный этим направлениям отказ от отношения «субъект – объект», «материальное – идеальное». И наоборот, в той мере, в какой в том или ином направлении реабилитируются отношения «субъект – объект», «материальное – идеальное», мы имеем возможность сделать заключение о существовании диалектических ситуаций.

Так, М. Хайдеггер, скептически, чтобы не сказать враждебно относящийся к диалектике, говорит: «Мы обращены или к тому, что говорится о самом объекте, или к тому, что обсуждается относительно способов его бытия в опыте (*aux modes de son expérience*). Но то, что является решающим, это не рассмотрение одной стороны, не рассмотрение другой, и не рассмотрение обеих сторон сразу, но признание и знание:

1) что мы должны все время двигаться в межеумочности, между человеком и вещью;

2) что эта межеумочность является тем не менее тем, в чем мы движемся;

3) что эта межеумочность не является чем-то натянутым, вроде струны, между вещью и человеком, но что этот интервал в качестве пред-схватывания распространяет свое действие за пределы вещи и в то же время в движении возвращения он распространяет свое действие на то, что позади нас. Пред-схватывание оказывается броском назад (*La pré-saisie est rétro-jet – Vor-griff ist Rück-wurf*). ...Вопрос “что такое вещь?” является вопросом “что такое человек?” Это не означает, что вещи сводятся к человеческому продукту, но напротив: следует понять человека как то, что постоянно осуществляет скачок за пределы вещей, но такого рода, что этот скачок оказывается возможным в той мере, в какой вещи сами предлагают себя и таким образом остаются в точности самими собою – в той мере, в какой они отсылают нас самих позади нас самих и нашей поверхности. В кантовском вопросе о вещи открывается размерность, которая простирается между вещью и человеком,

и царство которой простирается за пределы вещи (*par-delà les choses*) и позади людей» [Heidegger 1971: 249–250].

Описываемое Хайдеггером положение вещей вызывает в памяти гегелевскую диалектику предмета и понятия в «Феноменологии духа», хотя, как нам представляется, это выражено Г. В. Ф. Гегелем более просто и ясно. Но что оказывается важным отметить в связи со сказанным в данной работе Хайдеггером, это динамизм отношения между субъективным и объективным, несостоятельность одностороннего (или субъективного, или объективного) подходов. Но ведь именно этой односторонностью отмечены основные направления современной философии, да и сам Хайдеггер не всегда избегает той или иной крайности.

Задача характеристики неудовлетворительности каждого из односторонних подходов, необходимости дополнения его собственным другим, собственной противоположностью, необходимости обретения целостности становится собственно задачей диалектики, диалектического синтеза, снятия, выражаясь языком Гегеля, осуществляющегося в основе как синтез объективного и субъективного моментов.

Это обращает на себя внимание в эволюции представлений о герменевтике. Сопоставление подходов к герменевтике Х.-Г. Гадамера и П. Рикёра показывает с полной очевидностью необходимость диалектической взаимосвязи объективистской тенденции у Гадамера с идущей от субъекта направленности Рикёра. Позиция Рикёра отмечена сознанием органической связи объяснения и понимания. Рикёр, как кажется, идет дальше, чем его оппонент: «Объяснить больше, чтобы понять лучше» [Рикёр 1995: 19] – таково кредо французского мыслителя в обсуждаемом вопросе. Герменевтика нуждается в дополнении ее объективной методологией структурализма (структурный анализ провозглашается дополнительным по отношению к герменевтическому, понимание невозможно без объяснения): никогда не смогут делать герменевтику без структурализма [Его же 2002]. П. Рикёр фактически подчеркивает невозможность герменевтики без структурализма, понимания без объяснения. Это особенно заметно в стремлении французского философа преодолеть противопоставление объяснения и понимания, противопоставление, создающее затруднение в историческом ис-

следовании: история как история прогресса отделялась от истории как истории смысла (С. Л. Франк).

Герменевтические практики и их взаимоотношения с практиками экспликации имеют как бы свою зародышевую форму в третьем столкновении антиномии чистого разума Канта. Такого рода квалификация ситуации не только важна сама по себе, но и позволяет увидеть направление возможного решения проблемы как проблемы синтеза объективного и субъективного в конечном итоге.

Недостаточно внимания обращается на то обстоятельство, что третье столкновение антиномии чистого разума представляет собой столкновение объяснительного, причинного момента и момента целевого, связанного с пониманием. Причинность через свободу может быть отождествлена с основанием понимания, то есть с отнесением объяснения вещи к определенной целостности (Х.-Г. Гадамер).

В работах представителей синергетики, в исследованиях по теоретической биологии много внимания уделяется целевой причинности. Иногда в этом усматривают реабилитацию телеологии. При этом обыкновенно упускается из вида то обстоятельство, что третье столкновение антиномии чистого разума Канта в качестве одного из своих элементов содержит целевой момент, называемый Кантом причинностью через свободу (*Causalität durch Freiheit*).

Предлагаемая оптика, рассмотрение в диалектическом контексте названного феномена, позволяет увидеть целевую причинность, причинность через свободу в единстве с причинностью «согласно законам природы», и тем самым понять сложный характер детерминации любого явления, динамический характер, историчность в широком смысле слова исследуемого предмета. Но не только это: здесь достаточно ясно представлена перспектива разрешения столкновения антиномии: сопоставление с Кантом позволяет обратить внимание на развитие описанных ситуаций в посткантовской перспективе.

Нобелевский лауреат по физиологии и медицине 1965 г. Ф. Жакоб, отмечая особенность современного подхода к исследованию органической материи, пишет: «...нельзя больше делать биологию, не соотносясь постоянно с “проектом” организмов, со “смыслом”,

который само их существование дает их структурам и их функциям» [Jacob 1970: 321].

Названная проблематика в более развернутой общей форме представлена в кантовской «Критике способности суждения». Превращая регулятивные основоположения исследования в конститутивные, И. Кант формулирует антиномию таким образом: «*Тезис*: Всякое порождение материальных вещей возможно только на основании механических законов. *Антитезис*: Порождение некоторых материальных тел невозможно только по механическим законам». При этом Кант ставит и такой вопрос: «...не могут ли в неизвестной нам внутренней основе природы объединяться в одном принципе физико-механические и целевые связи одних и тех же вещей...» [Кант 1994: 260–261]. Автор третьей «Критики» не считает возможным дать положительный ответ на поставленный вопрос.

Общее направление его решения будет дано в последующей за ним традиции, и Гегель станет утверждать, что телеология является истиной механизма, а современный исследователь проблем эволюционной биологии, физик копенгагенской школы В. Эльзассер скажет: «Мы будем понимать биологический процесс как неустрашимое смешение механизмов с индивидуальностями» [Elsasser 1970: 140], парафраз приведенных выше слов Жакоба.

Диалектика, как видим, довольно энергично и вполне корректно, без ссылок на Канта, Гегеля или Маркса, осваивается естествоиспытателями, что пока не всегда удается представителям основных философских направлений. Самое же замечательное в данном случае состоит в том, что диалектику оказывается трудно обойти даже тем, кто ее совершенно не принимает.

Выше уже приводился «пример на диалектику» из текстов М. Хайдеггера. Остановимся еще на нескольких пассажах из его работ.

В главной своей книге «Бытие и время» он пишет: «Проблематика греческой онтологии, как и проблематика любой онтологии, должна извлечь из самого *Dasein* свою руководящую линию. *Dasein*, то есть бытие человека, будь оно “определено” распространенным (*сoυγαμμενoν*) или философским образом, не в меньшей мере выделено (*σeγνέ*) как ζωον λογον εχον, живое, бытие которого

определяется существенно способностью (*par le pouvoir*) говорить. *Λεγειν* (ср. параграф 7, В) служит гидом, чтобы прийти к структурам бытия сущего, встречающимся там, где речь идет о том, чтобы сказать, что они такое, и дебатировать это. Вот почему античная онтология, в том виде, в каком мы ее видим у Платона, развивается в “диалектику”. По мере того как прогрессирует выработка ведущей онтологической нити самой по себе, то есть чем больше идет вперед “герменевтика” *λογος*’а, тем больше возрастает возможность более радикально схватить проблему бытия. “Диалектика”, которая свидетельствовала об аутентичном философском затруднении, становится излишней» [Heidegger 1986: 51]. Это отношение к диалектике сохраняется у Хайдеггера и в более поздние годы. В дискуссии 15 сентября 1952 г. во время коллоквиума, посвященного диалектике в Муггенбрунне, в числе участников которого были О. Финк, М. Мюллер, В. Бимель, М. Хайдеггер, в сущности, воспроизвел сказанное им на страницах «Бытия и времени», вызвав тем самым критические замечания участников коллоквиума. Финк, в частности, реагируя на риторический вопрос Хайдеггера, где исторически впервые появляется диалектика, ответил: «Диалектика основывается в бытии и отражается в мышлении» [Philosophie... 2001: 13].

Вместе с тем нельзя не отметить, что тот же Хайдеггер фактически принимает свойственное диалектике решение вопроса о тождестве, когда дает свое истолкование тезиса Парменида «Одно и то же бытие и знание о нем», подчеркивая, что обоюдная принадлежность бытия и знания предваряет общность, то есть фактически выступая против абстрактного тождества, игнорирующего определенную автономность бытия и знания в их единстве, как это и имеет место в традиционном истолковании положения Парменида.

Понимание истины не как состояния, но как процесса также сближает Хайдеггера с диалектической традицией, что нам уже приходилось отмечать. Сказанное, разумеется, не означает отождествления позиции Хайдеггера в данном вопросе с позицией Гегеля и (тем более) Маркса.

В книге Хайдеггера о Канте фактически отсутствует, как мы уже неоднократно отмечали, рассмотрение трансцендентальной

диалектики последнего, поскольку она явно свидетельствует о некорректности хайдеггеровского онтологического прочтения «Критики чистого разума». Послевоенная дискуссия, посвященная специально проблеме диалектики у Хайдеггера, показала, что Хайдеггер не изменил своего отношения к диалектике. Вместе с тем трудно отделаться от впечатления, что автор «Бытия и времени» не может избежать, так сказать, «падения» в область диалектики. Помимо прочтения Хайдеггером тезиса Парменида, явно свидетельствующего о его критическом отношении к абстрактному тождеству, об этом же говорит и его анализ соотношения понятий *событие, человек, бытие, техника, das Gestell* [Heidegger 1957: 30].

Выше было отмечено определенное движение в сторону диалектики у Рикёра, ставящего в качестве одной из важных задач исторического познания и познания вообще преодоление противопоставления, разлученности объяснения и понимания. Замечательно точно видит проблему – а это проблема снятия антитезы объяснения и понимания – Г. Г. Шпет. Он говорит о реальной диалектике, которая является «диалектикою экспонирующего и интерпретирующего, или, обнимая задачи формальные и материальные в присутствии им конкретном единстве, диалектикою герменевтической» [Шпет 1999: 122].

Решению этой задачи, повторим, очень способствует сопоставление проблемы с третьим столкновением антиномии чистого разума Канта. Это сопоставление позволяет увидеть волнующую Рикёра и Шпета проблему в контексте определенного вида диалектики, что открывает перспективу ее аутентичного разрешения.

Вообще следует отметить, что историко-философская оптика позволяет обратить внимание на такие познавательные ситуации, которые практически оставались вне поля зрения исследователей, в том числе и сторонников диалектики. Выбор в качестве таковой кантовской позиции может показаться произвольным, однако если мы обратим внимание на то изменение, которое имело место в понимании роли субъекта в процессе познания в современном научном познании, то мы легко увидим релевантность нашего шага: коперниканский переворот в теории познания, совершенный Кантом, вводит нас, в частности, в начальную форму развития того,

что с некоторых пор обозначается как диалектическое противоречие, а у Канта называется антиномией чистого разума. Разумеется, вслед за этим должны быть сделаны шаги последовавшей за Кантом классической немецкой философией, которые нацелены на разрешение антиномичности, на преодоление пропасти, отделяющей у Канта человека и вещь.

Предлагаемая оптика ведет – мы на это неоднократно обращали внимание – к усмотрению замечательной общности возникновения антиномий в основаниях современного научного познания с условиями возникновения столкновений антиномии чистого разума Канта.

Характеризуя эти последние, Кант пишет: «...разум необходимо приходит к ним в непрерывном ряду эмпирического синтеза, если хочет освободить от всякого условия и обнять во всей безусловной целостности то, что по правилам опыта всегда может быть определено только условно» [Кант 1915: 286]. То есть разум рассматривает некую реальность, принадлежа к этой реальности. Но в точности такими же оказываются условия, в которых возникает, например, знаменитый парадокс Рассела в основаниях теории множеств: формируется *безусловная целостность* в виде множества всех нормальных множеств и делается попытка взглянуть на эту целостность, пользуясь средствами, принадлежащими самой этой целостности.

Впрочем, дадим слово исследователям в области оснований математики: «Все антиномии, как логические, так и семантические, имеют общее свойство, которое грубо и не строго можно определить как самоприменимость (или самоотносимость). В любой из этих антиномий та сущность, о которой в ней идет речь, определяется или характеризуется посредством некоторой совокупности, к которой она сама принадлежит» [Френкель, Бар-Хиллел 1966: 24].

Непротиворечивость такого рода систем, то есть возможность построить предмет, соответствующий полученному понятию, не может быть доказана средствами этой системы. Фон Нейман ограничивает этого рода соображения формальными системами, ссыла-

ясь на известные результаты К. Гёделя. По-видимому, не будет ошибкой придать им более общий смысл.

Сходство ситуаций, зафиксированных, с одной стороны, Кантом, а с другой – исследователями, принадлежащими к нашей эпохе, простирается дальше: было замечено, что антиномии оснований математики, логические парадоксы, вообще антиномические ситуации в основаниях различных дисциплин, возникающие как результат автореферентности, самоприменимости (self-reference), не являются, собственно говоря, противоречиями. «Парадоксы не являются противоречиями. Они являются не утверждениями, указывающими на два или более несовместимых направления, но утверждениями, которые колеблются между различными направлениями и не могут принять какое-либо постоянное направление» [Wormell 1958: 271]. Нечто совершенно идентичное в смысле характеристики отношений между утверждениями, составляющими антиномию, парадокс, мы видим в «Критике чистого разума»: «...если бы человек мог отказаться от всякого интереса (то есть от соображений практического плана. – *В. М.*) и рассматривать утверждения разума независимо от всех последствий их, только со стороны содержания их оснований, то он впал бы в состояние постоянного *колебания* (курсив мой. – *В. М.*), если бы не находил иного выхода, как принять или первое, или второе из борющихся учений» [Кант 1915: 291].

Традиция, в которой представлена перспектива разрешения собственно кантовской антиномичности, а это классическая немецкая философия, оказывается парадигмой разрешения и антиномий в основаниях различных отраслей современного научного познания.

Легко видеть, что здесь устраняется проблема, точнее, может быть, сказать, не возникает проблема отношения формально-логического и диалектического противоречий, породившая довольно безрезультатную полемику в отечественной философии. Термин «диалектическое противоречие» фактически покрывает нечто, совершенно не имеющее отношения к противоречию аристотелевской формальной логики. Фактически это нечто, возникающее на основе определенного типа взаимоотношения субъекта и объекта, материального и идеального.

Предлагаемая оптика позволяет дать и более определенную оценку того, что называется неклассической наукой, то есть наукой, в которой, по словам Н. Бора, взаимодействие прибора и объекта составляет нераздельную часть явления: мы имеем здесь дело с начальной стадией диалектической ситуации, выражающейся в распаде единого предмета на очень определенные составляющие, на вещь без движения и движение без вещи. Эта проблема, известная еще представителям Элейской школы, дожила до наших дней (А. Бергсон, В. Оствальд утверждают фактически существование движения без того, что движется, энергии без ее носителя). Она осознана как таковая в главных метафизических работах XX столетия («Бытие и время», «Процесс и реальность»), но мало кто решается сделать последний, заключительный шаг, а именно дать такую характеристику предмета, которая позволяет ему не выпасть из временного потока, то есть разрешить, снять возникшую в процессе исследования антиномичность, дать представление о целостном предмете. Эволюционная биология – один из не столь уж многочисленных примеров преодоления возникшей в ходе ее развития антитезы (Линней – Дарвин, Мендель – Дарвин), преодоления, осуществленного с сознанием метода, снятия антиномии как противостояния эволюционизма и генетики, тождества и различия¹.

Невозможно не обратить внимания и на такое обстоятельство: снятие антиномичности представляет собой помимо прочего формирование предмета, движение от кантовской к послекантовской парадигме. Именно в последней преодолевается отчуждение (гносеологическое) субъекта от предмета, вещи, именно здесь становится ясным, что если и говорить о диалектической противоречивости, то это противоречивость вещи, формирующаяся в ходе практического взаимодействия субъекта и объекта, в конечном итоге противоречивость материального и идеального. Логика взаимоотношения априорного и эмпирического, пользуясь терминологией Канта, материального и идеального, не вступает ни в какой кон-

¹ «...Генетика имеет дело как с проблемой наследственности, так и с проблемой изменчивости. Триумф генетики в том и состоит, что она создала теорию, которая объясняет на единой основе и постоянство наследственности, и ее изменчивость на всех уровнях, вплоть до молекулярного. О такой теории мечтали гегельянцы» [Левонтин 1978: 19].

фликт с логикой языкового уровня, с формальной логикой. О бесплодности полемики диалектиков и формальных логиков мы уже говорили в другом месте.

Мы обратили внимание на то, что игнорирование диалектики является естественным следствием отбрасывания того, что в истории философии называлось основным вопросом философии (метафизики). Этого рода движение лишает диалектику собственного поля существования. Заявившие о себе с некоторых пор антиметафизические движения, представленные логическим эмпиризмом, феноменологией Гуссерля, движения, сделавшие акцент на возможности достижения непосредственного знания, оказывались, естественно, помимо всего прочего, движениями антидиалектическими. Кризис этих направлений оказывался столь же естественным образом связанным с той или иной долей сознательной или неосознаваемой реабилитации отношений «субъект – объект», «материальное – идеальное», а следовательно, восстановлением условий диалектического движения. Правда, мало кто из представителей названных направлений решался воспользоваться открывшейся возможностью. Напротив, некоторые из них обрушились на диалектику с уничтожающей критикой, с утверждением ненужности, а то и вредности диалектики (Поппер, Хайдеггер). Думается, что самую существенную роль здесь сыграли экстратеоретические соображения.

Во всяком случае там, где о диалектике шел серьезный разговор у представителей аналитической традиции, у представителей традиции феноменолого-герменевтической он редко выходил за пределы, положенные И. Кантом. Антиномизм оставался здесь последним рубежом, зайти за который означало допущение диалектического решения вопроса о предмете, вещи, а это, в свою очередь, предполагало разрешение проблемы, с которой столкнулись еще элеаты, – проблемы соединения вещи и движения, проблемы целостного динамического видения вещи.

Сказанное не должно служить поводом для пессимистической оценки положения диалектики в современном интеллектуальном пространстве. К диалектике, к Гегелю, и даже, страшно сказать, к Марксу, в частности, обращают свои взоры крупные мыслители

современности. Это понятно. В числе проблем, вставших перед современной философской мыслью, оказывается проблема истории, этот крест современной философии, по выражению одного марксиста. Попытки решения ее без использования ресурсов диалектики не удались ни аналитической традиции, ни традиции феноменолого-герменевтической. Это хорошо понимает П. Рикёр, делающий, как уже отмечалось выше, попытку синтеза элементов аналитического подхода и подхода феноменолого-герменевтического, что и находит выражение в его стремлении преодоления дихотомии объяснения и понимания в историческом исследовании, столь мешающей постижению исторического процесса. Правда, для вполне корректного решения этой проблемы необходимо, по-видимому, идти к истокам ее становления, к антиномизму Канта и к последующей за кенигсбергским мыслителем традиции классической немецкой философии.

Тема диалектики тревожит как представителей современной феноменолого-герменевтической традиции, так и их оппонентов. Выясняется отношение к диалектике М. Хайдеггера², Г.-Х. Гадамера [Hermeneutik... 1970]. Интерес к Г. В. Ф. Гегелю, в частности к его «Феноменологии», обнаруживает хорошо известный отечественным исследователям Ж.-Л. Марион (автор имел возможность присутствовать на выступлении этого феноменолога в Ницце 15 декабря 2014 г.). Сопоставление подходов к истории Гегеля и Гуссерля мы видим в статье профессора А. Стейнбока (США) «Нормы, история и феноменология у Гегеля и Гуссерля: дух и “генеративность”» [Penser... 2011: 85–101]. Посвященный 70-летию Х.-Г. Гадамера сборник материалов в двух томах носит заглавие «Герменевтика и диалектика». Мы неоднократно, в том числе и на страницах «Философии и общества», приводили слова нобелевского лауреата И. Пригожина о том, что кончилось время науки Галилея, Ньютона, Канта, начинается время науки Гегеля, Дарвина и особенно Маркса. Можно сказать, что в западной философской традиции диалектика не забыта, но ее аутентичному видению и тем

² Около 50 лет спустя после события французский журнал *Philosophie* в двух номерах (№ 69, 70) опубликовал материалы коллоквиума о диалектике, имевшего место в 1952 г. в присутствии и с участием М. Хайдеггера.

более корректному применению в исследованиях еще долго будут препятствовать иные, чем только теоретические, соображения. Именно эти последние препятствуют решению наиболее общей, социально значимой антитезы познания, аналитической традиции и традиции феноменолого-герменевтической.

Нам представлялось важным привлечь внимание к выработке аутентичной оптики, позволяющей распознавать диалектические ситуации, диалектические движения в современном познании и, следовательно, открывать перспективу их корректного освоения, отсутствие чего обрекало исследования в области диалектики или на историко-философские штудии, или на накопление примеров «на диалектику», далеко не бесполезных сами по себе, но не способствующих видению как общей перспективы диалектического движения, так и проявлений диалектического характера в отдельных случаях.

Литература

- Кант И. Критика чистого разума. Пг., 1915.
- Кант И. Критика способности суждения. М., 1994.
- Левонтин Р. Генетические основы эволюции. М., 1978.
- Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика. М., 1995.
- Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М. : Канон-Пресс, Кучково поле, 2002.
- Шпет Г. Г. Внутренняя форма слова. Иваново, 1999.
- Френкель А., Бар-Хиллел И. Основания теории множеств. М., 1966.
- Dialectica. 1947. Vol. 1. No. 1.
- Elsasser W. Individuality in Biological Theory // Towards a Theoretical Biology. Vol. 3. Drafts. Edinburgh, 1970.
- Heidegger M. Identität und Differenz. Neske, 1957.
- Heidegger M. Qu'est-ce qu'une chose? Paris : Gallimard. 1971.
- Heidegger M. Être et Temps. Paris : Gallimard, 1986.
- Hermeneutik und Dialektik I/II. H.-G. Gadamer zum 70. Geburtstag. Tübingen : Mohr Siebeck, 1970.

- Jacob F. La logique du vivant. Paris : Gallimard, 1970.
- Nelson L. Die Unmöglichkeit der Erkenntnistheorie. München, 1912.
- Penser l'histoire. De Karl Marx aux siècles des catastrophes. Paris, 2011.
- Philosophie. 2001. No. 69. Heidegger. Les Éditions de Minuit.
- Wahl J. Vers la fin de l'ontologie. Paris, 1955.
- Wormell C. P. On the Paradoxes of Self-reference // Mind. 1958. Vol. 67. No. 266.